

Habent sua fata libelli
Terentianus Maurus

I am happy in my prison of passion
Oscar Wilde

Как бы ни был поставлен вопрос о существовании такого эфемерного явления, как судьба, он всегда будет актуален. К нему обращались писатели всех времён, начиная с античности. Древнегреческое слово „ΑΝΑΓΚΗ“, в переводе означающее рок, стало идеей и отправной точкой многих великих произведений. Например, в романе Виктора Гюго „Собор Парижской Богоматери“ это слово встречается читателя на первой же странице, как бы погружая его в атмосферу обречённости и вызывая этим некое предчувствие. Однако нельзя отрицать тот факт, что такая атмосфера лишь пробуждает у читателей своего рода аппетит, и они читают книгу чуть ли не в два раза быстрее. С точки зрения человеческой психологии, это явление можно объяснить довольно просто тем, что людям свойственно верить в некую всемогущую силу, которая уготовила участь для каждого. Действительно, жить с такими мыслями в голове гораздо проще: легче смириться с неудачами, лишённый раз не предпринимать очередные попытки, наконец, удовлетворить врождённую потребность в безопасности и залезть в раковину.

словно улитка. Кемпонишь ноги приходишь в голову, отбросить закорючки, поросшие ихом стериотинны в сторону и взглянуть на мир светлым, совершенно не замутненным взором. Если подобное всё же происходит, то перед протрезвившим взглядом предстаёт истинный мир — лотерея, рулетка, игра в покер.

За столом из дорогого дерева сидят комары, скарабей, муравьи, мотыльки, тараканы и мухи, разраженные в пух и прах. В своих покрытых хитином лапках они держат карты, шевеля жвалами, подбрасывают вверх игральные кости, озабоченно показывают фирменным усиками. Взрыв один из ничем не примечательных тучков радостно вскакивает на задние лапки, тем временем с жаром поширяя передние, на которых дюжины мелких зазубринок, и издаёт пощелкивающие звуки, которые свидетельствуют о небывалом успехе. У него крылья жале! В этот же момент другие насекомые, только что потерявшие свои деньги, начинают раздражённо стрекотать, жужжать и клацать ротовыми пластинками, судя о том, что в следующий раз удача обязательно им улыбнётся, а талму везунчику просто было суждено сегодня выиграть. Чем не обыденная ситуация из мира людей?

Конкретно в нашем случае выигранные карты вошли Виктору Пелевину, автору реалистичной фантастической «Жизнь насекомых», которая за пятнадцать лет с её выхода успешно покорит сердца миллионов читателей. Безусловно,

он не первый, кто сравнил мир людей и мир насекомых (до него это сделал Каурки в своей повести "Трехвращение", а наряду с Толевкиным в этом ключе творили Дмитрий Пуршев и Людмила Петрушевская), но именно в его произведении аллегория человеческого общества, по моему мнению, превзошла всех вышеперечисленных авторов. Толевкин сумел создать свой неповторимый мир, который кажется сумасшедшим, непонятным и совсем странным на первый взгляд, но в то же время таким похожим на нас. Он так же несен, сумбурен и состоит из нескольких типов представителей современного общества. Кажется бы, стиль Толевкина уникален и в этом есть правда. Его стиль довольно самобытен, но если на минуточку отвлечься от лаконичного языка и ни много ни мало гениального сюжета, можно заметить, хотя бы самому себе, что это произведение литературы постмодернизма и в нём применён пастиш. Виктор Толевкин, возможно, даже не заметно для себя объединил в своём романе элементы и образы различных литературных эпох.

Во протяжении всего произведения автор описывает, как кто-то следит или просто наблюдает за толпой. Будь то дискотека девятностых или пень, где собрались местные члены стоны, автор описывает это событие с помощью своего редкого наблюдателя, оказавшегося по соседству. Этот приём очень напоминает рассказ Эдгара Аллана По "Человек толпы", в котором стоит

основывается на беспристрастном наблюдении за происходящим, которое ведёт главный герой. Кроме этого, в „Жизни насекомых“ есть ещё много любовных особенностей. Например, Телевин непринуждённо переходит от историй про комаров - букезменков и муравьёв-военных к истории о конюшенных клопах, которые всегда под кайфом. Все они олицетворяют собой современное общество, в том числе и мухи лёгкого поведения и муравьишки, в которых, как ни странно, можно узнать среднестатистических жёницин-землекозоек, буквально попирающих своих людей от нечего делать. Здесь сразу же вспоминается популярный в русской литературе образ „маленького человека“, особенно когда автор начинает описывать тараканов, словно всю жизнь не вылезающих на поверхность серых комочков. Подобные персонажи встречаются в „Станционном смотрителе“ Пушкина, „Шинели“ Гоголя, „Бедных людях“ Достоевского и многих других других произведениях. Но нельзя найти большего сходства произведений Телевина ни с кем, кроме сочинений его современников. Например, читая о рефлексирующих мотыльках, размышляющих о смысле жизни, постоянно мечтающих и пытающихся найти счастливейший лучик света в ночной тьме, прослеживается своеобразная антиреда, мотив тьмы и света. Он напоминает произведения современного фантаста по имени Сергей Лукьяненко „Мотылек и тьма“

В романе складывается система образов, которую можно описать фразой мотылька Димы: „Мо-

только летят к свету, комары - на запах крови, мухи - к запаху помойки". Вряд ли Диме уверена роль героя-режисёра, но, скорее всего, автор прицеливается этой точки зрения, считая, что режисёрный взгляд летать не может. Как бы то ни было, некоторые герои романа удивлены возможностью увидеть во-бог. Невероятная девушка Наташа может решить, повторит ли историю своей мамы-муравьи или, обернувшись ~~в муху~~, отраснит крылья и сможет свободно летать и гулять по, что ей вздумается. Или же мотылёк-философ Дима, который никак не может определиться, в какой из колодуз ему прыгать или вообще подуть, выбрать девятый или сорак восьмой, и может быть, ему и не нужно это всё.

Сюжетные линии в романе постоянно пересекаются, истории переплетаются. Жизнь одного зависит от действий других, причём не только внутри одного мира насекомых или же людей, но и при перехождении одного мира в другой мир. Будто бы мир насекомых опоясывает человеческий, внутри которого тоже находится действительность первая. Поэтому, персонажи отличаются неоднозначностью: в какой-то момент непонятно, насекомые они или же всё-таки люди. В этой книге муха может запросто приклонить комара, а девушка может обрезать вовсе не мушкетёрские крылья.

Полная гротеска "Жизнь насекомых": чуть ли не выходит за рамки дозволенного, уже давно оставив позади границы приличия. Автор до самого конца не спускает планку, решая завершить все эпизоды с му-

равии, открыто названным именем величайшего баснописца России, который смотрит телевизор.

По нему крутят клип той самой стрелы, исполнившей летний хит. Таким образом Пелевин будет бы почет пошлетесь на классическими, которые читаются воспитать всех читателей, поделить мир на хорошие и плохие По имени автора, они враги сами себе, ведь идеала всёравно не существует

Несмотря на то что Пелевин ни капельки не стесняется в выражениях и на его жёсткий, приправленный остроум перцем стиль, он стал очень популярен благодаря этому роману. В его жизни эта книга сыграла самую важную роль, по крайней мере, с точки зрения читателей, который смотрит на всё с лицевой стороны а не с изнанки, как автор.

Наблюдая за тем, как растёт популярность Пелевина, кажется, что он и его творчество пройдут сквозь года, и будущие поколения будут ими восхищаться. Всё это потому, что у "Жизни насекомых" очень сильный характер. Она оказалась козырной картой в колоде Пелевина, и он воспользовался ей, когда случилась роковая жюу, изменивший его жизнь, пятнадцать лет назад